DOI: 10.31860/978-5-918680-445-242-267

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ Я. П. ПОЛОНСКОГО О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ КОНЦА 1850-х ГОДОВ И ЕГО МИРОСОЗЕРЦАНИИ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева)

Аннотация: Публикуемые два философско-публицистических очерка поэта Я. П. Полонского посвящены осмыслению феномена «молодое поколение», его роли в истории России и особенностей его миросозерцания. В сопроводительной статье на основе эпистолярных и мемуарных свидетельств устанавливаются датировки произведений. Выясняется, что некоторые идеи Полонского предвосхищают историософские и футуристические теории Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Л. Н. Гумилева и других мыслителей. Особое внимание уделяется религиозным взглядам Полонского, его участию в журнале «Русское слово» (1859) и взаимоотношениям с Ап. А. Григорьевым.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, Ап. А. Григорьев, философская публицистика, историософия, «молодое поколение», миросозерцание, текстология, роль христианства в истории, журнал «Русское слово».

Abstract: The published two philosophical and journalistic essays the poet Ya. P. Polonsky are devoted to understanding the phenomenon of the “young generation”, its role in the history of Russia and the peculiarities of its worldview. In the accompanying article, based on epistolary and memoir evidence, the dating of the works is established. It turns out that some of Polonsky’s ideas anticipate the historiosophical and futuristic theories of N. Ya. Danilevsky, K. N. Leontiev, O. Spengler, L. N. Gumilyov and other thinkers. Particular attention is paid to Polonsky’s religious views, his participation in the journal “Russian Word” (1859) and his relationship with Ap. A. Grigoriev.

Keywords: Yakov P. Polonsky, Apollon A. Grigoriev, philosophical journalism, historiosophy, “young generation”, worldview, textual criticism, the role of Christianity in history, magazine “Russian Word”.

Вл. С. Соловьев отмечал в статье «О лирической поэзии: по поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890): «Россия может гордиться своими лирическими поэтами», — и далее озвучивал ставшее к тому времени общепринятым мнение современников: «Из ныне

 © Дмитриев А. П., 2024

живущих первое место бесспорно принадлежит Фету и Полонскому»[1]. При жизни Якова Петровича Полонского (1819—1898) ценилась (больше читателями, чем критиками) и его проза, в закатные годы выходившая двухтомным сборником «Повести и рассказы» (СПб.: изд. Ж. А. Полонской, 1889; 2-е изд.: 1895).

Меньше всего повезло публицистике Полонского, по большей части до сих пор не опубликованной, хотя уже первые его критики, отмечая определенное сходство поэта с творцами «чистого искусства» (А. А. Фетом, А. Н. Майковым), выделяли его публицистический темперамент, проявлявшийся в лирике и сближавший его с Н. А. Некрасовым. Так, рецензент первого Собрания сочинений Полонского (СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1869—1870. Т. I—IV) Г. А. Ларош писал: «...отзывчивость, живой интерес к современным вопросам принадлежат к преобладающим его качествам...»[2].

Из немногих опубликованных публицистических произведений Полонского отметим «Письмо к издателю “Времени”» (1861) — остроумную критику увлечения в светском обществе столоверчением и медиумизмом, очерк «Зоил и критик» (1877) и обширные «Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей гр. Л. Н. Толстого» (1895) — о его трактате «Царство Божие внутри вас», вышедшем в Берлине.

Бóльшая же часть публицистического наследия Полонского остается в рукописях. Так, в личном фонде поэта (№ 403) в РГАЛИ отложились две рукописи: «О качествах, необходимых писателю, а в особенности поэту» (1837) и «Философские письма» (1895—1896). Куда более значительный массив непубликовавшихся статей и очерков хранится в фонде Полонского в РО ИРЛИ (№ 241) — их 34, не считая произведений, которые следует отнести к литературной критике (хотя и эти последние не лишены публицистического элемента). По названиям можно судить о злободневности их содержания, например: «О цензуре» (1881), «По поводу запрещения “Отечественных записок”» (1884). Но многие тексты не датированы: «Литература и партия», «Как мы веротерпимы», «Мои опасения», «О гимназиях», «О новой красоте», «Автору статьи “Отчего мы скучаем”» и др. Одни рукописи перебелены и не содержат исправлений, другие представляют собой черновые, порой со значительной правкой, наброски.

Немаловажной причиной того, что посмертная издательская судьба публицистики Полонского сложилась столь незавидно, следует признать довольно неразборчивый почерк поэта. Известно, что его стихотворения и поэмы, а также прозаические произведения, дневники и мемуарную прозу активно переписывала Жозефина Антоновна

---

[1] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: [в 10 т.] / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 6. С. 239.

[2] *Нелюбов Л. <Ларош Г. А.>* Сочинения Я. П. Полонского, три тома. СПб. 1869 // Русский вестник. 1870. Т. 86, март. С. 402.

Полонская (урожд. Рюльман; 1843—1920), его вторая жена, скульптор-портретист. Публицистические же статьи отложились в архивах, как правило, без ее копий.

Но более существенна другая причина — устоявшееся мнение, что у наделенного незаурядным лирическим талантом Полонского все остальное творческое наследие (поэмы, повести и рассказы, мемуары, публицистика) несопоставимо с его лирикой по художественному достоинству[3]. Нет оснований для безусловного отрицания такой точки зрения, но ее объективность, однако, не отменяет необходимости изучения всего корпуса сочинений поэта в его единстве и целостности.

Для нашей публикации избраны два произведения Полонского-публициста, свидетельствующие, на наш взгляд, о его талантливости как мыслителя, живо откликающегося на наиболее значимые проблемы текущей жизни и стремящегося глубоко, философски их осмыслить, а также о его необычайной требовательности к языку — обильная правка указывает как на муки слова, так и на неудержимый полет мысли философствующего поэта (вся эта правка воспроизводится в текстологических примечаниях).

Первое публикуемое нами произведение — статья Полонского «О значении нового поколения — из письма к А. А. Г<ригорьеву>» (РО ИРЛИ, ф. 241, ед. хр. 123. 6 л.). Она создана в форме открытого письма к приятелю студенческих лет, в тот период известному поэту, прозаику, критику. Рукопись черновая, не вполне завершенная (в конце карандашом кратко намечены темы для продолжения статьи, так и не реализованного). Текст не датирован, однако время работы над ним и повод к его созданию устанавливаются благодаря письмам автора к другим друзьям-поэтам — А. Н. Майкову и А. А. Фету — конца 1858 г.

Майкову 22 октября Полонский писал, имея в виду статью Ап. Григорьева «Взгляд на Историю России, соч. С. Соловьева»: «Григорьев пишет критику на историю Соловьева. Не думаю, что это будет настоящая критика. Но Григорьев выскажется весь по случаю этой истории — и тем покажет нам, какого рода, цвета и запаха сидит в нем славянофильство. — Я пишу статью *о том, что разумеют под словом "новое поколение"*»[4].

Как выясняется из письма Полонского к Фету от 2 ноября, обе эти статьи, и Григорьева, и Полонского, должны были войти в состав первого номера (за январь 1859 г.) нового петербургского журнала «Русское слово», к изданию которого тогда приступил известный меценат и второстепенный литератор (а также композитор и шахматист) граф Г. А. Кушелев-Безбородко и к редактированию которого он привлек

[3] См., например: *Ермилова Е. В., Грешный А. З.* Полонский Яков Петрович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 58.

[4] РО ИРЛИ, № 11753, л. 15.

трех поэтов: Ап. Майкова, Полонского и Ап. Григорьева. Начиная с 1856 г. он детально обсуждал планы по созданию «передового» литературно-общественного ежемесячного журнала с Майковым[5]. В октябре 1857 г. по его рекомендации Кушелев-Безбородко, называвший себя «издателем и главным редактором», пригласил к участию в издании Полонского как «второго редактора», оценивающего достоинство всех поступающих рукописей и определяющего номер и отдел журнала, где они могут быть напечатаны (с санкции издателя). В марте 1858 г. через посредство Полонского Кушелев-Безбородко познакомился с Ап. Григорьевым и предложил ему стать «помощником главного редактора», ведающим отделами критики и библиографии[6].

В том же письме к Фету от 2 ноября 1858 г. Полонский писал: «Сообщаю тебе по секрету — состав 1 книжки...» и, перечисляя материалы, указал и рецензию Ап. Григорьева («Р<усская> История Соловьева»), открывающую отдел «Критика», и свою статью («Письмо о значении нового поколения»), которой предполагалось начать отдел «Смесь»[7]. Автор наиболее авторитетного на сегодняшний день исследования о «Русском слове» Л. Э. Варустин писал о статье Полонского как о «предназначавшейся в качестве программного заявления для первой книги “Русского слова”» и полагал, что в ней содержится полемический выпад в адрес Григорьева: «...в пику Григорьеву Полонский высоко отзывался о петровских преобразованиях, сблизивших Россию с европейской культурой»[8].

И действительно, Полонский в публикуемой статье утверждает: «...Петр создает вокруг себя поколение — и по праву может назваться если не гением, то великим мужем», но здесь возвеличивание Петра I можно интерпретировать как спор не конкретно с Ап. Григорьевым, а со славянофилами, от историософских построений которых тот уже начинал дистанцироваться. Так, он писал в статье «Народность и литература» (1861): «...Медный Всадник, в обаятельно грозной лично-

[5] Оксана Воробьева, недавно защитившая в МГУ диссертацию о начальном периоде издания «Русского слова», посвятила поэту параграф «Аполлон Николаевич Майков — друг редакции» в составе главы под названием «Неофициальные редакторы журнала “Русское слово”» (*Воробьева О. А.* Журнал «Русское слово»: история формирования круга сотрудников и литературная позиция (1859—1862): дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2019. С. 65—70).

[6] Детально все обязанности были расписаны Кушелевым-Безбородко в «Инструкции о редакции журнала “Русское слово”», датированной 2 февр. 1859 г. (см.: Г. Е. Благосветлов, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко. Письма и документы / с прим. и вступ. ст. Г. Р. Прохорова // Звенья. М.: Л.: Academia, 1832. Сб. I. С. 307—312).

[7] См.: <*Фет А. А.*> Переписка с Я. П. Полонским, 1846—1892 / вступ. ст. Т. Г. Динесман; публ. и комм. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1. С. 598.

[8] *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», 1859—1866. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1966. С. 14.

сти которого трудно разочароваться нам всем даже до сих пор, даже после всех разоблачений страшных, окружающих ту личность и неотделимых от нее фактов, — и трудно именно потому, что этот Медный Всадник все-таки полнейший в добре и зле представитель нашего духа...»[9]

В любом случае уже при редактировании Полонским рецензии Григорьева на труд С. М. Соловьева выявились разительные расхождения в их литературно-критических позициях и известная психологическая несовместимость, которые привели к тому, что Григорьев спустя полгода «вытеснил»[10] Полонского из редакции. Правда, пришедший по рекомендации Григорьева «вторым редактором» на смену Полонскому циничный делец А. И. Хмельницкий уже через месяц вынудил уйти самого Григорьева, о чем не без сарказма 14 октября 1859 г. записала в своем дневнике Елена Штакеншнейдер, сочувствовавшая Полонскому: «Григорьев уже караулил добычу и захватил в свои лапы и Кушелева, и его журнал, и Полонского было, но Полонский отступился. Затем явился Хмельницкий и в свою очередь завладел Кушелевым и журналом, отпихнул Григорьева. <...> А в сущности все они, начиная с Кушелева и кончая Хмельницким, хороши»[11].

В статье «О значении нового поколения — из письма к А. А. Г<ригорьеву>» Полонский неоднократно упоминает о своих разговорах и спорах с приятелем. Кстати, за полугодовую редакторскую деятельность в «Русском слове» (Полонский покинул журнал в июле, а Григорьев — в августе 1859 г.) в нем не раз публиковались материалы, снабженные посвящением именно Григорьеву или оформленные как письма к нему (авторы — А. А. Фет, Г. А. Кушелев-Безбородко, В. И. Водовозов)[12], и только единичные посвящались другим лицам. Сам Григорьев поместил в «Русском слове» одну из лучших своих статей (о Тургеневе) — в виде писем к издателю[13]. В известном смысле

---

[9] *Григорьев А. А.* Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и прим. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 176.

[10] Именно этим словом охарактеризовал сам Полонский итог своего конфликта с Григорьевым в позднем письме к Фету от нояб. 1889 г. (<*Фет А. А.*> Переписка с Я. П. Полонским, 1846—1892. С. 767).

[11] *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886) / редакция, статья и комм. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. С. 237—238.

[12] *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева: А. А. Григорьеву // Русское слово. 1859. Февраль. Отд. II: Критика. С. 63—84; *К. Б.* <*Кушелев-Безбородко Г. А.*> О значении романа нравов в наше время: по поводу нового романа г. Гончарова «Обломов»: (посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву) // Там же. Июль. Отд. II: Критика. С. 1—36; *Водовозов В. И.* Письмо из Берлина: (к А. А. Г<ригорьеву>) // Там же. Отд. III: Смесь. С. 113—118.

[13] *Григорьев А. А.* И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г., № 1): Письма к Г<рафу> Г. А. К<ушелеву->Б<езбородко> // Русское слово. 1859. Апр. Отд. II: Критика. С. 1—35; Май. С. 20—41; Июнь. С. 1—52; Авг. С. 1—40.

именно Григорьев был душой издания в первые полгода его существования, что не умаляет, впрочем, заслуг Полонского, имевшего широкий круг знакомств в литературном мире и способствовавшего участию в журнале ряда знаменитых писателей, да и сам он поместил на страницах «Русского слова» немало своих стихотворений, признаваемых ныне его шедеврами (среди них «шутка в виде поэмы» «Кузнечик-музыкант», увидевшая свет в мартовской книжке за 1859 г.).

В статье о «новом поколении» Полонский предлагает оригинальную историософскую концепцию о двигателях истории — выдающихся личностях (в качестве примера называется Петр I), вокруг которых группируется талантливое, полное творческой энергии «молодое поколение», выдвигаемое на историческую арену «созревшей» «массой народной». То есть, по мысли Полонского, появление поколения преобразователей возможно лишь «в период, полный зрелости народной». В более раннюю эпоху в жизни государства судьба личности, «по природе своей созданной стоять во главе нового движенья», складывается трагично: «Иван Грозный недаром, упорно сражаясь с старым порядком вещей, <...> ожесточился от своего собственного бессилья». Но и период «дряхлости государственного организма» драматичен: «молодые поколения становятся опять малочисленными и слабыми до того, что едва подают голос свой. <...> И правительство уже становится не во главе нового поколения, а во главе слепой толпы». В этих интересных размышлениях о «различных возрастах народа» проблескивают идеи, которые позднее положат в основу своих построений Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев в России, Освальд Шпенглер и Хосе Ортега-и-Гассет — на Западе. В словах Полонского можно усмотреть и зачатки «теории пассионарности» Льва Гумилева.

Остается только сожалеть, что Полонский, передумав публиковать статью, не дописал ее (по-видимому, совсем немного) и не завершил ее стилистическую отделку. Представляется, это произошло потому, что логика мысли привела его к печальной оценке состояния России конца 1850-х гг. как «периода упадка государственных сил», когда «шарлатаны заглушают голос истинных предвозвестителей» и «народ, или поколение, гибнет под ударами того же оружия, которое он сам дал толпе». Так, судя по всему, Полонский оценивал поднимающий голову социально-политический радикализм, который вскоре — с легкой руки Тургенева — стали называть *нигилизмом*. Вместе с тем поэт смотрел на свою статью как на предостережение — в самом конце он наметил тему грядущих реформ в России, и их успех видел только в привлечении к преобразованию страны живых народных сил (которым противопоставлял косные общественные силы — «слепую толпу»): «Реформы есть жизн<енное> дело нового поколения, только с планом вместить в это дело народные массы...»

Для графа Кушелева-Безбородко, аристократа, честолюбиво желавшего, чтоб его журнал снискал славу самого «передового», такие

взвешенные мысли должны были показаться слишком консервативными, «отсталыми».

Второе публикуемое произведение — очерк «Из Записной тетради С. Н. С.» (РО ИРЛИ, ф. 241, ед. хр. 108. 4 л.). В архиве отложилась его черновая недатированная рукопись. Очерк идейно-тематически близок к статье «О значении нового поколения — из письма к А. А. Г<ригорьеву>», но создан не в форме письма, ориентированного на заинтересованного собеседника, а в виде записей дневникового характера, которые вел представитель молодого поколения, 23-летний студент университета. Он тяжело заболел и скончался, и его брат передал разборчиво переписанную тетрадь в редакцию. В статье о «новом поколении» было отмечено: «...под словом *новое поколение* разумеем мы только молодых людей известного возраста — от 20 до 35 лет...», — следовательно, о нем писалось *со стороны*, от лица 40-летнего Полонского. Теперь же, в очерке «Из Записной тетради С. Н. С.», предпринята попытка показать *изнутри* душевный мир молодого человека и его умственные метания.

Скорее всего, Полонский создал очерк в период своего соредакторства в «Русском слове», то есть одновременно со статьей о «новом поколении» или вскоре после нее. На это косвенно указывает композиционное обрамление: повествователь, получающий по почте Записную тетрадь С. Н. С., является сотрудником редакции журнала, решающим судьбу рукописей[14].

Об этом свидетельствует и основное содержание произведения, отраженное во внутреннем монологе юноши, который стремится выработать цельное миросозерцание на путях кардинальной перепроверки совокупности материалистических и религиозных воззрений на мир, — такое стремление особенно характерно для эпохальных сдвигов в общественном сознании и для переломных периодов истории, каким и был для России конец 1850-х гг.

Следует отметить, что не только повествователь из зачина очерка, но и студент С. Н. С. (несмотря на то что позиционируется его принадлежность к поколению молодежи 1850-х гг.) наделен автобиографическими чертами — иначе и не могло быть у *лирика* Полонского, обратившегося к тому же к исповедально-дневниковому жанру. Очевидно, что в размышления героя о миросозерцании вложено много интимно-личного, не переставшего волновать самого автора в период написания очерка. Да и вообще — в обоих публикуемых произ-

[14] Известно, впрочем, что Полонский занимался редакторской деятельностью и раньше — в 1846—1851 гг., когда был помощником редактора газеты «Закавказский вестник» (см.: *Потапов А. Н.* Одинокий лебедь: судьба и творчество Якова Полонского. М.: Звонница-МГ, 2019. С. 146—188), но тогда он не обращался к прозе, да и официальный орган Тифлисской губернии, в отличие от петербургского толстого журнала «Русское слово», принимал к публикации лишь небольшие статьи, в основном, утилитарно-просветительского содержания.

ведениях в развертывании мысли, ее строгой логичности и поэтичности выражения виден рефлектирующий либерал-идеалист сороковых годов, представитель поколения, влюбленного в Гегеля, современник споров славянофилов и западников.

Не углубляясь в анализ очерка «Из Записной тетради С. Н. С.», отметим только один момент, поясняющий, какого рода новое миросозерцание для молодого поколения Полонский считал предпочтительным. В эпоху наступающих и почти победивших позитивизма и утилитаризма, рождавших ощущение всевластия науки, герой Полонского рассуждает о религии как основе существования искусства и, шире, всей жизнедеятельности отдельных индивидуумов и целых народов. Он записывает в свою тетрадь: «...искусство, или поэтическое созерцание, питается религиозными преданиями <...>. Нечего закрывать глаза — и воображать себе, что религиозное миросозерцание отжило свое время, — несмотря на колоссальные успехи естественных наук, это мирос<оз>ерцание — самое сильное и самое распространенное <...>. Если про науку можно сказать, что она господствует над сотнями тысяч голов, — религия господствует над сотнями миллионов и до сих пор заправляет событиями, или судьбами человечества». То есть чаемого Полонским героя нового времени следует признать полным антиподом реально тогда нарождавшемуся типу нигилиста-шестидесятника, тургеневского Базарова.

Студент С. Н. С. утверждает: «Борьба в Европе ныне по-видимому идет из-за политических принципов — в сущности же из-за принципов религиозных. — Весь современный нам порядок вещей зиждется вовсе не на науке, а на религиозных, в плоть и кровь вошедших, убеждениях». И даже возможность подлинного гуманизма герой Полонского усматривает исключительно в том, что цивилизация укоренена в религиозной почве: «Это общечеловеческое в Христианстве малопомалу становится — общечеловеческим и в искусстве, и философском мирос<оз>ерцании». Однако нельзя забывать, что все эти свои заветные, выстраданные мысли Полонский транслирует от лица умершего студента — очевидно, судьба такого рода убеждений в век позитивизма представлялась ему исполненной трагизма.

Если верно наше предположение о том, что очерк «Из Записной тетради С. Н. С.» создавался для «Русского слова», то неудивительно, что текст не был перебелен для печати: Полонский неизбежно должен был отказаться от его публикации, потому что столь мощный религиозный компонент в нем оказался бы совершенно неприемлемым для графа Кушелева-Безбородко, который скорее всего счел бы его проявлением «обскурантизма».

Таким образом, образцы философской публицистики Полонского, вводимые в научный оборот, открывают нам в известном поэте черты, которых мы в нем не подозревали и которыми он, как выясняется, существенно отличался от своего ближнего круга — прежде всего от

Тургенева, Фета, Ап. Майкова, В. Боткина, но парадоксально сближался со своим идейным оппонентом Ап. Григорьевым, в духовной жизни которого также значимое место занимали религиозные интуиции...

Как отмечалось, публикуемые рукописи носят следы обширной правки, свидетельствующей о том, что перед нами проза поэта, которому в высшей степени присущи живое воображение, широта и дерзость мысли, творческий полет. Поэтому он то и дело «проглатывает» слоги в длинных словах — у него получается: «ощу<ти>тельная», «необразо<ва>нный», «мирос<оз>ерцание» и т. п.; ставит избыточное количество тире, многие из которых, согласно современной норме, следовало бы заменить запятыми (но тогда, увы, будут слабо ощущаться душевный порыв, накал вдохновения); без конца меняет структуру фраз, желая добиться их идеального соответствия своим мыслям. В связи с этим орфография и пунктуация подлинника воспроизводятся аутентично, за исключением явных опечаток, которые исправляются без оговорок, и немногочисленных случаев уточнения знаков препинания, когда это необходимо для лучшего понимания смысла.

Я. П. Полонский
О ЗНАЧЕНИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ — ИЗ ПИСЬМА К А. А. Г<РИГОРЬЕВУ>

. . . . . .

Человек знает, что он говорит, когда говорит, но[1] и собака знает, что она лает, — когда лает, — и едва ли есть хоть одно одушевленное существо, которому бы не доступна была такая степень знания. — Человек уже потому человек, что для него не довольно такого знания, — для него *знать* даже родной ему язык — тот самый язык, который с колыбели[2] принят им как бы из атмосферы, его окружающей, — как свет[3], как воздух, которым[4] стали дышать его легкие[5], — значит не только остановить на нем свое внимание или остановиться на одном вопросе — но и понять разумность его законов, начавши изучать его.

Изучать предмет обыкновенно начинают с его настоящего; но, чтоб яснее понять настоящее, обращаются к прошедшему. Вот почему всякий, кто желает[6] знать язык свой или чужой, не довольствуется изучением одной ему современной грамматики — а становится истым филологом и обращается к его прошедшему. —

Знающий историю языка знает и то, что почти каждое слово имеет свою историю.

Под словом <так!> *история слова* филолог разумеет чуть не доисторическое, и часто загадочное, образование[7] корня его, постепенное изменение его грамматических форм — и[8] тех оттенков в произноше-

нии[9], которое каждый век придает ему. — Но, ты знаешь, я не филолог[10] и для меня не довольно такой истории, — нет.

Слово может не изменять своей грамматической формы, может быть произносимо нами точно так же, как и прапрадедами наших прапрадедов, и все-таки иметь свою историю.

Те же формы, те же звуки сохранит оно; но эти звуки иначе отзовутся в нашей душе, иное, более обширное или более тесное, значение мы придадим ему — не тот образ облечется в слово и в иных формах явится нашему воображению.

Не в букве, не в звуке, *в тоне музыка,* le ton fait la musique[11], — говорит французская пословица, — каждый век дает свой особенный тон целой бездне слов, и в девятнадцатом веке нечто иное слышится в этой бездне — иное, нежели в семнадцатом.

Так, давно уже какой-то стариной звучат для нас такие слова, например, как: *терем, хоромы, ковш, боярин, охабень* и проч., — а ведь было же время, когда все эти слова никому не говорили о старине или точно так же казались живо-современными[12], как для нас слова: *дом, комната, бокал, барин* и проч. Вероятно, такие слова, как *книга, часы, свеча*, наши предки произносили точно так же, как и мы их произносим, а между тем и в этих словах разве те же самые образы звучат для нас? Книга изменила и формат, и печать, и бумагу, — часы получили другое устройство, свечи стали отливать из стеарина. —

Так иными образами звучит уже для нас почти каждое произносимое нами слово[13], потому что видимые чувственные предметы — вся внешняя обстановка всей нашей жизни изменила вид свой. — Понятия же отвлеченные в[14] складе нашего ума подверглись еще бóльшим метаморфозам. Попробуй только проследить историю определений таких слов, каковы, например:[15] *дух, философия-наука, развитие, личность, право, критика, нравственность* — и несмотря на то, что многие из этих слов новы в русском языке — и что, стало быть, недлинна их история, ты, конечно, согласишься, что значение их далеко ушло вперед — давно не то, которое придавали им наши деды и прадеды. Поток жизни одновременно всё захватывает, и история определений сливается с историей целого мира.

Чтоб сказать: история есть ряд преступлений, надо было жить и дышать воздухом осьмнадцатого столетия, — чтоб сказать, что история есть поприще, на котором дух человеческий совершает свое развитие, надо было родиться в начале нашего девятнадцатого века. — В этот краткий промежуток времени, на этом пути от одного афоризма к другому, мы встречаем революцию, Наполеона, пожар Москвы, Байрона, Шел<л>инга[16] и обновление Германии. — Кажется, история сделала усиленные шаги, чтоб добиться от человеческой головы своего собственного определения, более верного или более сообразного с его достоинством.

Так меняется *тон*, смысл, значение слов, так развиваются в последовательном порядке тысячи определений, так, наконец, являются новые выражения или старым придается новое значение.

Недавно говорили мы с тобой о новом поколении, и оба понимали друг друга,[17] но, если б вдруг посреди разговора ты спросил меня: а что такое *новое поколение*? какой вообще смысл придаем мы в наше время этому выражению? — не знаю, мог ли бы тебя удовлетворить ответ мой, наскоро[18] обдуманный и, стало быть, случайный. — Быть может — вдруг образовалось бы в уме моем самое верное[19] определение — быть может, далеко не верное... словом, ответ мой был бы ответ случайный — и, может быть, ты был бы со мной вполне согласен; но и согласие твое было бы также совершенно случайное.

Новое поколение — какое простое, всем знакомое выражение: а между тем, я только с той минуты и узнал его, когда задумался над его значением. —

Мне хотелось поверить себя — и вот я пишу к тебе в надежде[20], что ты не поскупишься на возражения, естьли <так!> только письмо мое[21] будет достойно их, — но и прежде этого письма я хотел себя поверить — я заглянул[22] в академический словарь — и нашел там, что поколение — значит *род, племя, колено*[23]. —

Но, прочитав такие объяснения, — еще темнее стало в голове — я не понял его точно так же, как если бы кто-нибудь сказал мне, что *дерево есть ветви, лес и сучок*. *Род, племя* и *поколение* даже не синонимы, точно так же как не синонимы *лес, сучок* и *дерево*. — Только *колено* и *поколение* — синонимы. Эти два слова часто принимаются одно за другое,[24] но между ними есть та ощу<ти>тельная разница — что слово *поколение* не имеет такого разнообразного применения, мы относим его только[25] к существам одушевленным. Когда говорим[26] о продолжающемся роде их в существах, ими рожденных, — так можем мы сказать: поколение слонов, поколение диких, поколение французов. Слово *колено*, напротив, применимо к многому множеству вещей — и является (особенно в языке простонародном) во множестве[27] своеобразных[28] выражений; так, наприм<ер>: *выкинуть новое колено* — в пляске; *завести новое колено* — в песне[29].

Одно общее свойство этих двух слов *колено* и *поколение* есть то, что они оба как бы насильно напрашиваются на эпитеты *старое* или *новое,* если только нет[30] при этом собственного имени того лица, к которому они относятся.

Конечно, каждое поколение есть новое в отношении к старому и старое в отношении к новому — но[31] в таком ли буквально[32] простом смысле понимаем мы слово *поколение*, если при нем стоит эпитет — *новое*[33]? Если нет — каким путем доискаться нам до того не буквального значения[34], которое мы все бессознательно придаем ему?

Например, будешь ли ты доволен[35] следующим определением?

Новое[36] поколение есть повсеместно[37] — новый слой вновь народившегося народа или человечества[38], т. е. дети в отношении к отцам — племянники в отношении к дядьям своим.

Или еще проще:

Новое поколение — это вообще все молодые люди в тот период жизни, когда их дети или племянники еще не успели стать молодыми людьми, т. е. находятся еще в периоде детства или отрочества. —

Если это так, то что значит, например, следующее выражение:

«Правительство стало во главе нового поколения»?

Значит ли это, что правительство стало во главе[39] всех детей и племянников или вообще во главе всех молодых людей? Нет, когда нам говорят или когда мы сами говорим, что правительство стало во главе нового поколения, мы этого вовсе не думаем. —

Возьмем другой пример — мы говорим: «Все надежды наши мы возлагаем на новое поколение» — значит ли это, что все надежды наши возлагаем мы на наших сыновей или вообще на всех известных нам молодых людей, из которых, сам ты знаешь, больше половины ровно никуда и ни на что не годятся? —

Так если в этих двух[40] очень часто употребляемых нами выражениях одни слова нельзя заменить другими, не значит ли, что между ними есть разница и что, стало быть, не все вообще молодые люди[41], не весь новый слой народившегося народа или человечества составляет то, что мы разумеем под словами *новое поколение*?

Если не все, то кто же именно?..

Но прежде чем отвечать на это —[42] положим, что действительно под словом <так!> *новое поколение* разумеем мы только молодых[43] людей известного возраста — от 20 до 35 лет, — можем ли мы знать[44] их всех вообще настолько, чтоб[45] смело произнести над ними суд свой или хоть даже высказать[46] об них ясное положительное мнение? Каков будет этот суд и возможно ли будет это мнение, если из безразличного числа *все* не возьмем мы во внимание только такие личности, которые своим достоинством или недостатками резче других отделяются от массы, как бы выражая собой ее общее настроение?

Если помещик, из своего захолустья никогда никуда не выезжающий[47] и никогда ничего не читающий, заключит по двум-трем молодым людям, положим А и В, поселившимся у него в соседстве, что все новое поколение — гордецы и невежды, потому только, что ни А, ни В не сделали ему визита или недовольно вежливо отозвались о его закоснелости, конечно, суд такого помещика будет так же несправедлив, как мал и тесен круг его понимания, но и в этом суде будет одно нечто общее с судом самого гениального историка, а именно: помещик будет судить о поколении, не слишком обращая внимание на всю массу ему известных молодых людей, даже не думая при этом о взрослых сыновьях своих, если только таковые состоят налицо, а только имея

в виду А и В, которых непочтительность к нему — выразилась резче, чем в других. —

Значит, опять-таки под словами *новое поколение* никто, даже необразо<ва>нный помещик в сущности не разумеет всей массы молодых людей, ибо посильное мнение[48] свое об нем составляет по немногим приятно или неприятно действующим на нас исключениям.

Кто ж это они — которые составляют эти исключения?

Те ли молодые люди, которые только что выступали или выступают на политическое, гражданское, артистическое и всякое другое поприще, заменяя трудами своими труды старого, дряхлеющего поколения[49] или труды почтенных отцов своих, —[50] люди[51], таким образом выделяющиеся из массы молодежи пустой и праздной[52]?

Но сколько есть таких молодых людей, которых способности и труды никогда не заменят и никогда не станут наряду и не будут казаться новыми в сравнении с многоопытной деятельностью[53] иного поседевшего администратора, художника или даже просто чиновника, — которым разве тогда только удастся сравняться с ними в производстве всякого рода дел, когда сами они в свою очередь доживут до старости? Сколько таких, которые во всю жизнь свою[54] не только не превзойдут своих учителей, но и не дойдут до того, чтоб начать так, как они[55] в свое время начали? И, наконец, сколько людей[56], которых очевидная деятельность началась или начинается далеко не в молодых летах — сколько писателей мы знаем, которые с честью выступили на литературное поприще, достигнув до глубокой старости?

Как же теперь понять, что такое новое поколение?

Понять так, как все мы понимаем, — но понимание сделать вполне сознательным[57]. Когда мы говорим: «стать во главе нового поколения» — конечно, мы разумеем[58] такое поколение, которое чем-нибудь да разнится от старого, — иначе самое выражение это теряет всякий смысл. — Мы видим, что не лета, не человеческий возраст, не нисходящее родство здесь играет главную роль[59]. В чем же это новое?

Один ответ — это новое — *в идеях* — конечно, в тех идеях, до которых не доросло поколение старое. — Люди современных нам идей — вот наше поколение. — Мы узнаём их не по тому, что они молоды; не по тому, что последняя мода наложила на них печать свою; не по тому, что труды их заменяют труды на покой отходящего старчества, — мы узнаём их по невольному к ним сочувствию, если только сами принадлежим к тому же поколению. — Не зная или не понимая их[60], нельзя ни знать, ни понимать нравственного[61] или умственного состояния современного нам общества[62]. — Не сочувствуя им, нельзя и сочувствовать ни его стремлениям, ни его насущным потребностям. — Через них, и только через них, становится наглядным и чем-то *воочию совершающимся* дух нами поглощаемого времени.

Люди, призванные или достойные стоять в среде нового поколения, как ничтожны и малы ни казались бы они[63] в глазах близорукого

и тщеславно-суетного общества, на каком бы поприще ни работали, как бы ни заблуждались, платя дань своей эпохе, каков бы ни был их конец, — суть люди исторические, если б даже имена их и не были записаны в истории. — Дело не в именах, которые, конечно, могут ускользнуть от потомства, подобно сотням имен древнеазиатских царей, не разбираемых на старых монетах[64] — и не понятых в гиероглифических надписях. Не в именах дело, — дело в том, что от них во многом зависит участь будущих поколений, — а стало быть, грядущая судьба и нашего отечества, — в них задача, над решением которой задумаются их потомки, — в них семя будущей жатвы. — Подобно инженерам, устраивающим телеграфические нити, дабы с невидимой быстротой передавать вести с одного конца Европы на другой конец, — люди молодого поколения ставят вехи на пути развития и постепенно в неведомую даль будущего проводят электрическую нить для передачи ими выстраданных или прожитых идей. —[65] Самое отдаленное потомство, с быстротою молнии развернув какую-нибудь книгу, — схватит мысль, за 200—300 лет взлелеянную. — Так, если для телеграфа не существует пространства — для мысли не существует времени, — там проводник — электричество;[66] здесь слово *электричество*[67] было бы немо[68] без железной нити. Слово померкло бы и застряло бы в бездне прошедшего без целого ряда[69] новых поколений, ибо[70] только в руках[71] нового поколения находится ключ к умам передовых людей поколения отжившего[72], — недаром несокрушим тот закон, во имя которого все истинно живое в известную эпоху небесплодно для эпох последующих.

С таким современным пониманием нового поколения, конечно, *не всякий из нас решится похвастаться тем, что он принадлежит к нему*[73].

На этом[74] я должен был бы и кончить письмо мое — но... впереди возникает такая пропасть всякого рода помыслов, что все мною сказанное кажется мне только началом... Знаю, что я не слажу с тем, что меня ожидает, — что нет у меня ни таланта, ни времени, чтоб развить или привести в строгий порядок[75] всего того, что невольно просится на бумагу потому же поводу, т. е. по поводу[76] выражения *новое поколение*.

В истории русского языка, или, что все равно, в истории русского развития — давно ли возникло это выражение — и давно ли стали мы придавать ему тот смысл, который в настоящее время мы все бессознательно или сознательно придаем ему? — В этом смысле кто из писателей первый стал употреблять его? Кто, наконец, изобрел это выражение — или оно слишком[77] просто[78] для того, чтобы его изобретать или выдумывать?

Не знаю, насколько полезно решение таких вопросов, — знаю только, что выражение это в том смысле, в каком мы его говорим, ново и едва ли оно могло быть на Руси в начале нашего столетия[79], а во времена Петра Великого даже *невообразимо*. —

Кто знает век Петра — тот, конечно, не вложит в уста самого умнейшего из его представителей слов: «Правительство стоит во главе нового поколения», — а между тем это было такое время, когда самым, так сказать, наглядным образом монарх стал во главе им самим созданного нового поколения[80].

Создать поколение — опять новое выражение, доказывающее мысль мою. — Если бы под словом[81] *поколение* разумели мы только естественным путем рождения явившихся на Божий свет[82] и потом в жизнь выступающих молодых людей, мы не могли бы[83] и употребить подобной фразы, ибо нечего создавать то, что уже родилось или создалось само собой[84].

Создать поколение — значит вызвать наружу те[85] нравственные и умственные силы, которые давно таятся внутри того или другого общества, той или другой эпохи, — значит поставить знамя во имя новой идеи[86] и силою гения созвать под сень его всех способных сознательно или бессознательно работать для истории. — Трудиться для истории[87] — то же, что трудиться во имя убеждений; корень же[88] всякого убеждения —[89] *идея*. Если она пришла в голову одного[90] лица — или в голове этого одного[91] созрела, прежде чем в других головах, — этот один становится двигателем — так же как и Петр, создает вокруг себя поколение —[92] и по праву может назваться если не гением, то[93] великим мужем. — Вся разница будет заключаться в объеме той сферы, для которой он призван действовать. — Так великий художник[94] силою кисти своей или[95] резца создает молодое поколение[96] талантливых художников — выводит их на новый путь. — Министр, создавая новую систему финансовых оборотов[97], также вокруг себя создает новое поколение —[98] людей, ему сочувственно помогающих. — Писатель — так же как ученый, ученый — так же как и полководец, ставши замечательными[99] людьми своего времени, во-первых, не могут не принадлежать к молодому поколению (иначе слова их эфемерны[100], а деятельность — бесплодна); во-вторых, не могут[101] не выдвинуть за собой целого рода людей, в их[102] духе самостоятельно или машинально действующих. —

Так всякое новое поколение заметно распадается на два разряда[103] молодых или даже не молодых людей: одни из них зачинатели — другие довершители; одни подают голос — другие отзываются на их призыв[104]. Но, раз коснувшись эпохи Петра Великого, — я не могу не сделать следующего[105] замечания: новое поколение[106], созданное Петром, было первое[107] в русской истории, которое самым очевидным образом так далеко и как бы насильственно двинулось вперед[108] и так по-видимому неестественно отодвинулось от поколения старого — что провело резко-значительную черту[109] в общей картине ее медленного развития. — Оно первое разом появилось[110] почти что на всех поприщах государственной[111] и общественной жизни. До Петра — не поколения играли главную роль. Главную роль играли личности, часто

стоящие одиноко и не опирающиеся ни на кого из своих современников, —[112] поколения были так бледны, что новое[113] с трудом можно различить от старого. — Иван Грозный недаром, упорно сражаясь с старым порядком вещей, задевал и то, что могло быть новым, — он ожесточился от своего собственного бессилья. Личность, по природе[114] своей созданная стоять во главе нового движенья, суждена <так!> фактически или морально пасть, если[115] масса народная вокруг нее[116] не успела еще настолько созреть, чтоб встать за нее[117] в лице нового поколения.

Впрочем, не противоречие ли это? — я только что сказал: замечательная личность не может не выдвинуть за собой целого поколения, — и вдруг говорю: были у нас до Петра — такие личности, которые стояли одинокими. —[118] Такое противоречие невольно наводит меня на мысль, что в различных возрастах народа поколения играют роль далеко не одинаковую. — Что в первый период государственного развития[119] поколения не поспевают за появлением той или другой личности — личности гибнут или не успевают в своих предприятиях. В период, полный зрелости народа, — напротив,[120] каждое новое поколение так сильно по своей многочисленности,[121] так смело по своему характеру и ярко по колориту[122], что личности бледнеют —[123] они являются уже не оди<но>кими светилами, а целыми созвездиями[124] — не затмевают друг друга. — Они проигрывают в блеске, но выигрывают в сочувствии целых масс. — Современная истинная слава[125] — в нашем смысле этого слова — возможна только именно в тот период[126], когда передовые силы в полном цвете. — В период дряхлости[127] государственного организма — молодые поколения становятся опять малочисленными и слабыми до того, что едва подают голос свой. — Шарлатаны заглушают голос истинных предвозвестителей. — Масса народа забывает, что она по духу вечный ребенок —[128] хоть и громадна по своим силам физическим, эти силы, распадаясь, всей своею тягостью падают на новое поколение.[129] — Страсти, господствуя над идеями, поднимают крик.[130] И правительство уже становится не во главе нового поколения, а[131] во главе слепой толпы. —

Исторически указать на участь новых поколений[132] во все возрасты народов как древних, так и новых[133] — значит написать целую книгу. — Я пишу письмо — написать книгу предоставляю тебе, если[134] только это займет тебя. —

Новое поколение — т. е. каждое из поколений (ибо каждое старое было новым и каждое новое будет старым) несомненно играет главную роль в истории человечества. —[135] Но какой историк не начертит нам полной картины — взятой им эпохи, если при исторических изысканиях[136] не обратит внимания на следующие отношения:

— на отношения новых поколений к старым;

— на отношения их к правительству или к лицам правительственным;

— на отношения общества к их представителям, или[137] — жизнь гениальных людей эпохи в среде этого общества — т. е. отношения их[138] к старому и новому поколениям;

— наконец, на степень их влияния[139] на всю массу людей, которые в сущности не составляют ни нового, ни старого поколения и страшны только, как я уже заметил, в период упадка государственных сил.[140]

[141]Полнота благодатны<х> реформ — это дело нового поколения. — Реформы есть жизн<енное> дело нового поколения, только с планом вместить в это дело народные массы, —[142] народ, или поколение, гибнет под ударами того же оружия, которое он сам дал толпе, — будет тут дело толпы без всяк<ого> участия нового поколения.

---

[1] *Далее зачеркнуто*: ведь

[2] *Далее зачеркнуто*: стал знаком его слуху — так же и свет, который

[3] *Далее зачеркнуто*: и тьма

[4] *Далее зачеркнуто*: стал он

[5] *Было*: стал он дышать

[6] *Слова*: всякий, кто желает — *вписаны над зачеркнутыми*: глубоко знающий

[7] *Было*: чуть-чуть не доисторическое образование

[8] *Далее зачеркнуто*: даже

[9] *Было*: в его произношении

[10] Я. П. Полонский и А. А. Григорьев окончили курс юридического факультета Московского университета: первый в 1844 г., второй в 1842 г.

[11] Полностью: c'est le ton qui fait la musique — по словам и голос (*фр.*).

[12] *Было*: эти слова не говорили о старине и точно так же казались современными

[13] *Было*: для нас каждое нами произносимое слово

[14] *Далее зачеркнуто*: нашем

[15] *Далее зачеркнуто*: история

[16] *Слово*: Шел<л>инга — *вписано над зачеркнутым*: Гегеля

[17] *Далее зачеркнуто*: хоть я

[18] *Далее зачеркнуто*: составленный в голове, иными словами не

[19] *Было*: в уме моем верное

[20] *Далее зачеркнуто*: на всяк<ий случай (?)>

[21] *Далее зачеркнуто*: их

[22] *Было*: и заглянул

[23] Точнее: «*Поколение* — <...> То же что *Колено* в 3 значении» (Словарь Академии Российской: <в 6 ч.>. В СПб.: при Имп. Академии наук, 1792. Ч. III: от З до М. Стб. 741); «*Колено* — <...> 3) Род, поколение, племя» (Там же. Стб. 739).

[24] *Далее зачеркнуто*: хотя и

[25] *Было*: применения, потому что они относятся только

[26] *Далее зачеркнуто*: мы

[27] *Было*: в бесчисленном множестве

[28] *Слово*: своеобразных — *вписано над отвергнутыми вариантами*: разнообразных, разнородных

[29] *Было*: завести новое колено — в соловьиной песне — так в вещах неодушевленных

[30] *Далее зачеркнуто*: наприм<ер>

[31] *Далее зачеркнуто*: что ж такое

[32] *Было*: буквальном
[33] *Было*: понимаем мы слова: новое поколение?
[34] *Было*: до того значения
[35] *Было*: Например, ты будешь ли доволен
[36] *Слово*: Новое — *вписано над зачеркнутым*: Молодое
[37] *Было*: повсеместный
[38] *Было*: вновь народившегося человечества
[39] *Было*: правительство во главе
[40] *Было*: в двух
[41] *Было*: все молодые люди
[42] *Далее зачеркнуто*: перейду к такому предположению
[43] *Слова*: только молодых — *вписаны над зачеркнутым*: всех
[44] *Было*: можем мы знать
[45] *Далее зачеркнуто*: не только
[46] *Слово*: высказать — *вписано над зачеркнутым*: составить
[47] *Было*: Если помещик, никуда не выезжающий
[48] *Было*: ибо мнение
[49] *Далее зачеркнуто*: или просто
[50] *Далее зачеркнуто*: именно те
[51] *Далее зачеркнуто*: которые составляют выделяющиеся
[52] *Было*: выделяясь от массы молодежи праздной и пустой, составляют новое поколение?
[53] *Было*: не заменят, не будут казаться новыми наряду с многоопытной деятельностью
[54] *Было*: сами они доживут до старости, а иногда, во всю жизнь свою
[55] *Далее зачеркнуто*: начали
[56] *Было*: Сколько есть и таких людей
[57] *Было*: как все понимаем, — только понимание привести в такое сознание
[58] *Было*: разумеем мы
[59] *Далее зачеркнуто — сначала*: стало быть; *затем*: а то но<вое>
[60] *Было*: Не зная их, мы
[61] *Было*: нельзя не знать нравственного
[62] *Было*: состояния нам современного общества
[63] *Было*: ни казались они
[64] *Было*: имен азиатских царей, с трудом разбираемых на старых монетах
[65] *Далее зачеркнуто — сначала*: В то же; *затем*: Пото<му (?)>
[66] *Далее зачеркнуто*: железная проволока
[67] *Далее зачеркнуто*: осталось бы
[68] *Было*: немым
[69] *Было*: Слово остановилось бы без целого ряда
[70] *Далее зачеркнуто*: в руках людей
[71] *Далее зачеркнуто*: людей каждого
[72] *Было*: поколений отживших
[73] *Было*: *похвастаться, что он принадлежит к нему*
[74] *Далее зачеркнуто*: казалось бы
[75] *Было*: не буду иметь времени ни развить, ни привести в строгую систему; *далее зачеркнуто*: тех заметок ума и беглых наблюдений, которые как бы сами собой выходят у меня наружу по
[76] *Далее зачеркнуто*: нового <поколения>
[77] *Слово*: слишком — *вписано над зачеркнутым*: так
[78] *Далее зачеркнуто*: что

[79] *Было*: ново — не могло быть в начале нашего столетия
[80] *Было*: во главе своего поколения. — Оттого ли, что он сам его *создал*?.. Это *поколение*!
[81] *Далее зачеркнуто*: новое
[82] *Далее зачеркнуто*: и так или
[83] *Далее зачеркнуто*: и должны бы были
[84] *Было*: уже [создалось] родилось само собой
[85] *Далее зачеркнуто*: моральные
[86] *Было*: эпохи, — поставить знамя во имя идеи
[87] *Было*: работать во имя истории. — Трудиться во имя истории
[88] *Далее зачеркнуто*: убеждений
[89] *Далее зачеркнуто*: это
[90] *Далее зачеркнуто*: и не составляет
[91] *Было*: в голове одного
[92] *Далее зачеркнуто*: Вели<кий>; *далее было*: и может по праву
[93] *Далее зачеркнуто*: одни<м>
[94] *Далее зачеркнуто*: создает [шк<олу>] молодое поколение
[95] *Далее зачеркнуто*: своего
[96] *Далее зачеркнуто*: художн<иков>
[97] *Было*: Министр финансов, создавая новую систему налогов
[98] *Далее зачеркнуто*: и если
[99] *Слово*: замечательными — *вписано над зачеркнутым*: первыми
[100] *Было*: эфемерно-случайны
[101] *Далее зачеркнуто*: остаться
[102] *Слово*: их — *вписано над зачеркнутым*: его
[103] *Было*: может распасться на два именно созданных разряда
[104] *Было*: отзываются на призыв
[105] *Далее зачеркнуто*: отступления
[106] *Было*: замечания: поколение
[107] *Далее зачеркнуто*: которое
[108] *Было*: так далеко двинулось вперед, что
[109] *Далее зачеркнуто*: отодвинулось от старого — что провело первую резкую черту
[110] *Было*: Оно разом появилось
[111] *Далее зачеркнуто*: и гражданской
[112] *Далее зачеркнуто*: не оттого ли
[113] *Слово*: новое — *вписано над зачеркнутым*: старое
[114] *Слово*: природе — *вписано над зачеркнутым*: натуре
[115] *Было*: суждена пасть, естьли на вызов не из нар<ода?>
[116] *В рукописи ошибочно*: вокруг него
[117] *Было*: за него
[118] *Далее зачеркнуто*: Этой
[119] *Далее зачеркнуто*: появля<ются>
[120] *Далее зачеркнуто*: поколения так
[121] *Далее зачеркнуто*: что
[122] *Далее зачеркнуто*: что надо быть действительно лицеме<ром?>
[123] *Далее зачеркнуто*: целы<ми?>
[124] *Далее зачеркнуто*: свет<я>тся замечательные лица
[125] *Было*: Современная слава
[126] *Было*: именно в период
[127] *Было*: В период государственной дряхлости или

[128] *Было*: она вечный ребенок — и крах ее частию поглощает
[129] *Далее зачеркнуто*: Как волны поглощают корабль
[130] *Далее зачеркнуто*: Господство становится
[131] *Далее зачеркнуто*: прислугою
[132] *Было*: Провести участь поколений
[133] *Далее зачеркнуто*: и успеть
[134] *Далее зачеркнуто*: ты
[135] *Далее зачеркнуто — сначала*: Так как; *затем*: Таким образом, как
[136] *Было*: если историческим изысканиям; *далее зачеркнуто*: [его] не будут [тайно] мысленно соприсутствовать следующие соображения.
[137] *Было*: к их умственным представителям, или наоборот
[138] *Слово*: их — *вписано над зачеркнутым*: его
[139] *Было*: на степень влияния того или другого поколения
[140] *Ниже карандашом тезисно намечены варианты продолжения текста.*
[141] *Далее зачеркнуто*: Дело нового поколения это пожелание реформ — новых реформ.
[142] *Далее зачеркнуто*: которых

Я. П. Полонский
ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ С. Н. С.

Мы получили тетрадь эту при следующем письме:

«М<илостивый> Г<осударь>. Покойный брат мой С. Н., молодой человек 23 лет, имел обыкновение записывать карандашом всё, что приходило ему в голову. Он учился в университете и по болезни не кончил курса,[1] любил читать, но, к сожалению, у нас в деревне читать ему было нечего — вот почему, лежа у себя в комнате, он всё писал и писал — так неразборчиво, что переписать эту тетрадь стоило немалых трудов одной моей знакомой девице. — Когда я нашел эту рукопись, я думал, что это дневник, но это не дневник, а какие-то всё мысли. — Меня уверили, что всё это может быть напечатано. — Посылаю же вам эту тетрадь на всякий случай. Если решитесь печатать — то уведомьте...»

Тетрадь эта слишком объемиста — и мы вряд ли ее всю целиком напечатаем. — Покойный С. Н.[2] явно задавал себе разного рода вопросы и старался решить их по-своему. — По нашему крайнему разумению, эти усилия молодого, хотя еще и не вполне созревшего ума не должны исчезнуть без следа. — Отсутствие библиотеки[3], т. е. недостаток книг[4], и придал писаниям г. С. какую-то неполноту и недосказанность, но зато — по временам проскакивают мысли[5] оригинальные, никем не подсказанные — нигде не вычитанные. —

Жаль, что этими записками мы обязаны преждевременной смерти, — будем печатать их[6] по мере возможности — вот наш ответ. —

———

I. *Миросозерцание*. Что такое миросозерцание?

Самое слово это так удачно сложилось, что уже заключает в себе свое собственное определение: созерцание мира. — Вправе ли я ска-

зать: «Мое миросозерцание», если нет у меня никакого ясного, определенного, цельного взгляда на мир (на всё видимое мной) и если я сам не знаю, какое место занимаю я в этом необъятном[7] среди этих космических сил и явлений, как физических, так и духовно-нравственных? —

Дорого бы я дал, чтоб дожить и доработать его до такого миросозерцания![8]

Слово *созерцать* не значит *видеть*.

Для того чтоб видеть, достаточно пользоваться зрением. (И слон, и мышь, и собака, и рыба, и насекомое видят.) Никто не скажет: я созерцаю дерево или девушку, — но, если вы скажете[9]: я созерцаю Бога, Природу, Красоту — ваша фраза никого не покоробит, даже не покажется вычурной. — Кто не почувствует и не уразумеет[10] красоты ясного летнего утра, звездного ночного неба, моря, окаймленного горами, тот не почувствует и не уразумеет[11] красоты человеческого тела[12]. —

Дикарь лучше видит, чем мы, над письмом и печатью утомившие глаза свои; — но далеко ему до[13] мирос<оз>ерцания[14] Коперника, Гете или Токвиля[15].

Видеть слепой не может — созерцать может. Слепой Мильтон, так же как и слепой Гомер, мысленно созерцали тот божественно-человеческий мир, который описывали. В запертой темнице или[16] ночью в потемках видеть нельзя — созерцать можно. Ньютон, утомленный своими вычислениями, и с закрытыми глазами[17] мог предаваться созерцанию всей[18] Солнечной системы — и, затем, всего Звездного мира. —

Созерцание есть результат синтезиса — результат бесчисленного множества воспринятых впечатлений, силою ума или воображения приведенных в строй и гармонию.

История человечества начинается с первого возникшего в уме миросозерцания,[19] как бы[20] ни было нелепо оно с нашей точки зрения.

Вся история есть не что иное, как возникновение, развитие, борьба и сцепление различных миросозерцаний. — Если бы люди, как звери, боролись только ради добычи и самосохранения, человечество не стоило бы истории. —

Если бы на всей земле были одни и те же климатические условия — та же природа — и если бы моря, океаны и степи не разобщили людей[21] еще до начала истории, сама история не была бы так запутана, развитие одного миро<со>зерцания, не разваливая другого, совершало<сь> бы более правильным путем, и, быть может,[22] для всего человечества[23] каждый факт его развития был бы повсеместным и единовременным явлением. —

Пароходы и железные дороги — поправят ли когда-нибудь то, что совершили моря, горы, степи — и поразительное неравенство климатов? —

История, несомненно, началась с миро<со>зерцания, основанного на творческой фантазии, — и доразвилась до созерцания, основанного на творческих законах природы или на научных фактах[24], очищенных[25] беспощадною силою критики[26] (критика хотя и разрушает, но каждый раз волей-неволей[27] бессознательно ведет к постройке нового мирос<оз>ерцания).

Миросозерцание может быть:

— религиозное,

— поэтическое[28],

— философское, или строго научное.

Но провести между ними резкие границы едва ли возможно — особливо в настоящее время. — Так, например, искусство, или поэтическое созерцание, питается[29] религиозными преданиями и в то же время может стоять на высоте[30] миросозерцания философского, или научного. — Позитивист хотя и видит бездну, которая отделяет его от[31] идеалиста или от спирита, — но бездны этой на самом деле вовсе не существует — так как между теми и другими в нравственном и умственном мире слагается многое множество личных мировоззрений,[32] из которых одни склоняются более к позитивизму[33], другие — к идеализму. — Сколько есть таких учений, сквозь идеализм которых просвечивает материалистическая подкладка, и напротив. —

Нечего закрывать глаза — и воображать себе, что религиозное миросозерцание отжило свое время, — несмотря на колоссальные успехи естественных наук, это мирос<оз>ерцание — самое сильное и самое распространенное —[34] не только в Африке или в Азии, но и в Европе и в новой Америке. — Если про науку можно сказать, что она господствует над сотнями тысяч голов, — религия господствует над сотнями миллионов[35] и до сих пор заправляет событиями, или судьбами человечества. —

Оттого ли это — что, несмотря на 5000 лет нашего исторического роста, — мы всё еще не вышли из детства, — или оттого — что корень истории —[36] религиозное миросозерцание — тем шире и глубже, чем выше наш умственный рост[37], — что не было бы ни цветов, ни плодов, если бы[38] корень нашей цивилизации не рос точно так же,[39] как[40] и ее вершина[41], которая[42] тянет из него все его лучшие соки. —

Корень нашей европейской и американской[43] цивилизации — Христианство с его общечеловеческим религиозным мирос<оз>ерцанием. — Это общечеловеческое в Христианстве мало-помалу становится — общечеловеческим и в искусстве и философском мирос<оз>ерцании. — Североамериканцы, французы, немцы и англичане ближе между собою, чем — евреи[44], татары, персы, китайцы, арабы и самоеды[45].[46] Но[47] европейские народы ближе друг к другу только сравнительно — христианское мирос<оз>ерцание (они сходятся, так сказать, только своими единичными вершинами, массы же остаются разъединенны-

ми) распалось — и каждое из них породило свои секты и своих фанатиков[48]. —

Борьба в Европе ныне по-видимому идет[49] из-за политических принципов — в сущности же из-за принципов религиозных. — Весь современный нам порядок вещей зиждется вовсе не на науке, а на религиозных, в плоть и кровь вошедших, убеждениях. — Порядок этот породил так много хорошего — что его отстаивают. — Но в нем заключает<ся> так много зла, что его стараются расшатать и разрушить. — Сохранить добро и разрушить зло — вот задача самых высоких и сильных[50] умов нашего времени — но разрешение этой задачи — есть не что иное, как постройка нового[51] мирос<оз>ерцания, —[52] и оно строится. —

И все-таки оно не будет общим достоянием всех людей —[53] оно принесет плоды свои, оно будет бороться — и распространяться медленно, — и как бы далеко ни было его распространение, оно никогда не захватит всего человечества. (Ныне до сих пор миллионы людей на земном шаре не знают, что земля — *шар*.) И чем будет[54] человечнее и многостороннее наше мирос<оз>ерцание, тем бóльшая масса людей найдет в нем свое успокоение и свое удовлетворение. — До такого мирос<оз>ерцания, которое завершило бы наше историческое развитие,[55] еще так далеко, что только одна поэзия[56] позволяет иногда мечтать об нем. — Это идеальное, почти недосягаемое миросозерцание. Когда оно станет[57] достоянием человечества,[58] будет едино, и только это до конца дове<де>нное единоверие и единомыслие даст нам ту истинную свободу и то истинное равенство, которого так напрасно добиваемся и которого добиваться все-таки следует. —

<Отвергнутый фрагмент>

И все-таки нет ни в современном Христианстве, <н>и в современном знании того единства, которое вело[59] бы нас к единоверию и к единомыслию. Борьба идет[60] на всем пространстве мира, занятого христианами и профессорами — верующими и стремящими<ся> знать. —[61]

Фанатизм[62], вытекающий из каждого религиозного мирос<оз>ерцания, в меньших размерах беспрестанно дает знать себя и в сферах умственных и сфере политической. — Есть не только фанатики религиозного действа, но и фанатики мысли — мученики веры и мученики убеждения. —

Лично я завидую всякому такому фанатизму — каждый такой фанатизм знает, за что он стоит — за что борется и за что умирает. — Жалок тот, кто стоит на развалинах прежнего мирос<оз>ерцания — и пред собой не видит ничего нового. — Таких жалких существ в наш век бесчисленное множество, и чувствую, что мне, лишенному всякого мирос<оз>ерцания[63], — несдобровать: тяжела, дурна, узка, грязна покажется мне жизнь моя —[64] надо усилие ума и воли, много тру-

да — много бессонных ночей, что<бы> иметь право сказать: «Вот мое миро<со>зерцание — что вы со мной ни делайте — я[65] весь в нем — я его средоточие — и скорей погибну, чем буду в силах изменить ему». —

Но неужели в фанатизме — счастие? — На это можно только одно сказать — что каждое новое миро<со>зерцание вырабатываем знанием, <которое> все дальше и дальше отделяет нас от фанатизма, а стало бы<ть>, и приближает к счастию.

---

[1] *Далее зачеркнуто*: находясь в деревне, читать ему было нечего

[2] *Было*: Покойный С. Н. С.

[3] *Далее зачеркнуто*: или пособий и на

[4] *Было*: недостаток книжной помощи

[5] *Далее зачеркнуто*: сове<ршенно>

[6] *Далее зачеркнуто*: хоть отрывками

[7] *Было*: не знаю того места, какое занимаю я в этом необъятном целом

[8] *Было*: чтоб дожить до такого миросозерцания!

[9] *Было*: но скажете

[10] *Слово*: уразумеет — *вписано над зачеркнутым*: поймет

[11] *Слово*: уразумеет — *вписано над зачеркнутым*: поймет

[12] *Было*: красоты девушки — стало быть, созерцание красоты, хотя и свойственно всем людям, но далеко не в одинаковой степени

[13] *Слова*: далеко ему до — *вписано над зачеркнутыми*: созерцать мы

[14] *Было*: но мирос<оз>ерцание разве того человека бесконечно выше мирос<оз>ерцания дикаря или невежды

[15] Появление имени французского политического деятеля и историка графа Алексиса де Токвиля (Tocqueville; 1805—1859) в одном ряду с великими Коперником и Гете вполне ожидаемо под пером Полонского на рубеже 1850—1860-х гг.: в этот период в России вышли переводы историко-политических трактатов Токвиля «Демократия в Америке» (1835—1840) и «Старый порядок и революция» (1856), оказавшие большое впечатление на современников.

[16] *Далее зачеркнуто*: темной

[17] *Было*: Ньютон и с закрытыми глазами

[18] *Слово*: всей — *вписано над зачеркнутым*: той

[19] *Далее зачеркнуто*: каких бы

[20] *Далее зачеркнуто*: с нашей точки зрения нелепо оно ни б<ыло>

[21] *Было*: его людей; *далее зачеркнуто — сначала*: при; *затем*: с первых дней

[22] *Далее зачеркнуто*: было бы

[23] *Далее зачеркнуто*: была бы

[24] *Было*: основанного на законах природы или на фактах

[25] *Далее зачеркнуто*: многовековой

[26] *Далее зачеркнуто — сначала*: ибо; *затем*: если

[27] *Было*: критика разрушает то или другое миросо<зе>рцание — она волей-неволей

[28] *Было*: или религиозное, или поэтическое

[29] *Было*: Поэтическое — мир искусства — зижд<ется>

[30] *Далее зачеркнуто*: научного

[31] *Далее зачеркнуто*: спири<та>

[32] *Далее зачеркнуто*: часто

[33] *Далее зачеркнуто*: или материализму

[34] *Далее зачеркнуто*: по всей азиа<тской>

[35] *Далее зачеркнуто*: господствует над миллионами

[36] *Далее зачеркнуто*: ряд

[37] *Было:* наш рост; *далее зачеркнуто*: и чем обильнее плоды только современной нам цивилизации

[38] *Далее зачеркнуто*: умер этот

[39] *Далее зачеркнуто — сначала*: как растет вершина; *затем*: как под землей и в потемках; *наконец*: под землей

[40] *Далее зачеркнуто*: растет

[41] *Далее зачеркнуто*: на ветру и солнце

[42] *Далее зачеркнуто*: с помощью солнца

[43] *Было*: североамериканской

[44] *Слово*: евреи — *вписано над зачеркнутым*: мы

[45] *Самоеды* (самодийцы) — наименование ряда коренных сибирских народов: прежде всего ненцев, а также энцев, нганасан, селькупов и саянских самодийцев.

[46] *Далее зачеркнуто — сначала*: Индей<цы>; *затем*: Ни деяние, означа<ющее>; *наконец*: Пока они ки<?>.

[47] *Далее зачеркнуто*: ближе

[48] *Было*: породило фанатиков. [Борьба иде<т>] Многие думают, что

[49] *Было*: Борьба в Европе идет

[50] *Было*: самых высоких умов

[51] *Далее зачеркнуто*: бол<ьшого>

[52] *Далее зачеркнуто*: с большим количество<м>

[53] *Далее зачеркнуто*: нет — прежде чем новое миро<со>зерцание

[54] *Далее зачеркнуто*: оно шире

[55] *Далее зачеркнуто*: слишк<ом>

[56] *Далее зачеркнуто*: иногда несколько

[57] *Слово*: станет — *вписано над словом*: будет

[58] *Далее зачеркнуто*: оно

[59] *Было*: которое ведет к единодушию нас все<х>

[60] *Далее зачеркнуто*: на всех концах земных

[61] *Далее зачеркнут абзац*: Нет единства без единого идеального мирос<оз>ерцания. — Только стремясь к нему, постепенно будет можно достичь и до истинной свободы, и до истинного равенства.

[62] *Далее зачеркнуто*: тесно связанный

[63] *Было*: что без ясного мирос<оз>ерцания

[64] *Далее зачеркнуто*: много мне над<о>

[65] *Далее зачеркнуто*: знаю

Библиографический список

1. Г. Е. Благосветлов, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко. Письма и документы / с прим. и вступ. ст. Г. Р. Прохорова // Звенья. М.: Л.: Academia, 1832. Сб. I.
2. *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», 1859—1866. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1966.
3. *Водовозов В. И.* Письмо из Берлина: (к А. А. Г<ригорьеву>) // Русское слово. 1859. Отд. III: Смесь.

4. *Воробьева О. А.* Журнал «Русское слово»: история формирования круга сотрудников и литературная позиция (1859—1862): дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2019.
5. *Григорьев А. А.* И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г., № 1): Письма к Г<рафу> Г. А. К<ушелеву->Б<езбородко> // Русское слово. 1859. Апрель. Отд. II: Критика; Май; Июнь; Август.
6. *Григорьев А. А.* Народность и литература // *Григорьев А. А.* Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и прим. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980.
7. *Ермилова Е. В., Грешный А. З.* Полонский Яков Петрович // Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5.
8. *Кушелев-Безбородко Г. А.* О значении романа нравов в наше время: по поводу нового романа г. Гончарова «Обломов»: (посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву) / К. Б. // Русское слово. 1859. Июль. Отд. II: Критика.
9. *Ларош Г. А.* Сочинения Я. П. Полонского, три тома. СПб. 1869 / *Л. Нелюбов* // Русский вестник. 1870. Т. 86, март.
10. *Полонский Я. П.* Повести и рассказы: (приб. к Полн. собр. соч.). СПб.: изд. Ж. А. Полонской, 1889. Ч. I—II; 2-е изд.: 1895.
11. *Полонский Я. П.* Собр. соч. СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1869—1874. Т. I—IV.
12. *Потапов А. Н.* Одинокий лебедь: судьба и творчество Якова Полонского. М.: Звонница-МГ, 2019.
13. Словарь Академии Российской: [в 6 ч.]. В СПб.: при Имп. Академии наук, 1792. Ч. III: от З до М.
14. *Соловьев В. С.* О лирической поэзии: по поводу последних стихотворений Фета и Полонского // *Соловьев В. С.* Собр. соч.: [в 10 т.] / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 6.
15. *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева: А. А. Григорьеву // Русское слово. 1859. Февраль. Отд. II: Критика.
16. <*Фет А. А.*> Переписка с Я. П. Полонским, 1846—1892 / вступ. ст. Т. Г. Динесман; публ. и комм. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1.
17. *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886) / редакция, статья и комм. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934.